

В. К. ЖУРАВЛЕВ, А. М. ШАХМАЙКИН

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО *S И САТЕМОВАЯ ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ГУТТУРАЛЬНЫХ

1. Проблемы спирантизации индоевропейских гуттуральных (задненебных) и вариативности исконного *S относятся к кардинальным проблемам индоевропеистики, решение которых имеет большое методологическое значение. Оно так или иначе связано с трактовкой понятия праязыка вообще и представления о балто-славянских языковых отношениях, в частности.

До недавнего времени процесс спирантизации и.-е. гуттуральных считался одним из древнейших, различие рефлексов гуттуральных трактовалось как древнейшая, как первая изофона праиндоевропейского языка, распавшегося на два диалекта — западный (*centum*) и восточный (*satəm*) в глубокой древности. В то же время генезис праславянского -х-, переход *S > х в определенных условиях относился к весьма поздним, собственно славянским явлениям периода после распада балто-славянского праязыка на основании иной рефлексации исконного *S в литовском (ср.: ст.-сл. *тѣхъ* и лит. *maišas*). Однако, рассуждая таким образом, можно сделать вывод, что соответствующие изменения и.-е. *S в схожих условиях — процесс собственно литовский, имевший место после распада прабалтийского языка в связи с иной рефлексацией в других балтийских языках (лтш. *māiss*, др.-прус. *moasis*).

Более того, такой же способ рассуждения при анализе результатов сатемизации в балтийских и славянских языках может привести к выводу, что древнейший „праиндоевропейский“ процесс имел место после распада не только балто-славянского, но и прабалтийского уже собственно на славянской, литовской или латышской почве! Ср.: лит. *šimtās*, лтш. *simts*, ст.-сл. *sъto*, ав. *satəm*, лат. *centum*; лит. *širdis*, лтш. *siņds*, прасл. **sъrd-*, др.-прус. СЪРДЬЦЕ, и.-е. **kъrd-* и т. п.

Анализируя противоречивые рефлексы вариативности и.-е. *S в литовском языке, С. Каралюнас (1966) сделал осторожный вывод о возможной связи этой вариативности с рефлексацией и.-е. палатального *k. Х. Андерсен (1968) проверил эту гипотезу на достаточно обширном балтийском и славянском материале; подтвердив такую взаимосвязь, он объяснил различие рефлексации в праславянском и литовском различием в механизме совпадения

рефлексов первого и второго процессов. Независимо от них схожее решение проблемы предложил на конференции по славяно-германским отношениям (1961, г. Минск) В. К. Журавлев. Полный текст доклада удалось опубликовать лишь в 1966 г. Здесь в центре внимания именно проблема взаимосвязи этих явлений, поискам „первотолчка“ изменений протославянской, протобалто-славянской всей системы шумных согласных.

В плане историко-научном таким „первотолчком“ оказалось наблюдение А. Мейе (1908), констатировавшего, что во всех и.-е. языках группы *satəm* исконное *S в весьма схожих условиях поддается своеобразной модификации, чего нет в языках группы *centum*. Современные данные сравнительно-исторической грамматики и.-е. языков все в большей и большей мере подтверждают это наблюдение А. Мейе. Теперь наука располагает аппаратом установления взаимосвязи между языковыми процессами благодаря осознанию общенаучных принципов системности и историзма, реализованных в диахронической фонологии, современной процедуре внутренней реконструкции, и приемам установления относительной хронологии на основе постулата о непреложности фонетических законов и разграничении этапов звуковых изменений на фонетический, фонологический, морфонологический и социолингвистический [Журавлев, 1983, 1984].

2. Проблема реконструкции исходной для балто-славянского системы гуттуральных сводится, прежде всего, к вопросу о положении фонемы *S в системе шумных согласных, поскольку содержание фонемы зависит от ее места в системе.

Наиболее древняя и исходная для протобалто-славянского система шумных реконструируется в следующем виде:

$$\begin{array}{cccc} p & t & k^{\circ} & k \\ b & d & g^{\circ} & g \end{array} \quad s$$

Данные внутренней реконструкции не позволяют восстанавливать для балто-славянского придыхательные и палатальные, поэтому различия между двумя рядами гуттуральных (k/g и k°/g°) могли заключаться в наличии дополнительной лабиальной артикуляции. Вся же система характеризовалась следующими дифференциальными признаками: 1) глухость — звонкость, 2) гуттуральность — негуттуральность (k°/g° , $k/g \sim p/b$, t/d), 3) фрикативность ~ взрывность, 4) лабиальность ~ нелабиальность или дентальность ~ недентальность ($k^{\circ} \sim k$, $g^{\circ} \sim g$, $p \sim t$, $b \sim d$).

Представляется, что систему протобалто-славянских гуттуральных следует восстанавливать именно как двухрядную¹, исходя из следующих соображений:

1) Данные внешней реконструкции указывают на то, что традиционно восстанавливаемым протославянским и балтийским \hat{k} и \hat{g} (палатальным) в языке группы *centum* соответствуют k и g (простые). Об этом свидетельствует многочисленный этимологический материал: и.-е. * $\hat{g}rn$ -: прасл. **zъrno*, ст.-сл. *zъrno*, лит. *žirnis* 'горох', лтш. *ziņnis* 'горох', прус. *zyrne* при лат. *granum*, ирл. *gran*, др.-в.-нем. *kerno*, гот. *kaurn* 'зерно', греч. γέρον 'старик'; и.-е. * $\hat{k}rd$: ст.-сл. *srъdьce*, лит. *širdis*, лтш. *sīds*, гот. *hairto*, греч. καρδία, ирл. *cride*, лат. *cor*.

2) По данным внутренней реконструкции славянским и балтийским k и g (трад. \hat{k} и \hat{g}) в ряде случаев соответствуют дублетные формы в современных балтийских и славянских языках: наряду с регулярно ожидаемыми формами на s/z встречаются и формы с гуттуральными k/g (см. [Каралюнас, 1966] с подробной библиографией вопроса, дистрибутивные условия этого вида варьирования подробно разобраны в [Steenland, 1973]).

3) Палатальному ряду гуттуральных просто не было места в протобалто-славянской системе. Другие палатальные \check{s} , \check{z} у славян и балтов позднего происхождения. Типологически едва ли допустимо наличие палатовелярного ряда при отсутствии других палатальных рядов и признака палатальности.

Проведенное подробное исследование дистрибуции индоевропейских гуттуральных (см. Steenland, 1973) показывает, что в индоевропейском праязыке было фонологически два ряда гуттуральных, большая часть известных индоевропейских корней характеризуется комбинаторной обусловленностью изменения типов гуттуральных и в каждой позиции встречается, как правило, два типа гуттуральных, а не три: и гуттуральные чистые, и так наз. палатовелярные относились к одному ряду фонем, т. е. находились в отношении дополнительного распределения. Можно полагать, что в протобалто-славянском фонологически восстанавливаются два ряда гуттуральных, причем немаркированный ряд (т. е. гуттуральные чистые) выступал в виде двух аллофонов — собственно чистого и палатализованного.

3. Как бы то ни было, но как „протосатемовая“, так и „протокентумовая“ система шумных согласных как до, так и после утраты придыхательного либо глоттализованного ряда включала в себя несколько взрывных согласных и лишь одну фрикативную, реконструируемую как * S .

¹ Рассмотрение возможности трех рядов гуттуральных и их трансформации в два ряда выходит за рамки данной работы. См. [Steenland, 1973] и [Гамкрелидзе, Иванов, 1984] с дальнейшей библиографией.

Таким образом, первотолчком, главным стимулом сатемовой палатализации в древних индоевропейских языках было положение $*S$ в системе консонантизма. Фонема $*S$ (с ее аллофонами) как единственная фрикативная в системе шумных была слабо включенной в систему, т. е. находилась в силу противопоставления всей системе в отношении максимальной дифференциации. Ее интеграция в систему и вызвала сатемизацию в одних индоевропейских диалектах и различного рода „сдвиги согласных“ как способ создания фрикативных рядов — в других. Собственно фонологизация аллофонов $*S$ в конкретных языках и диалектах носила индивидуальный характер, а также сопровождалась различными процессами дивергенции и конвергенции.

Фонема $*S$ не входила ни в ряды глухих — звонких, ни в ряды гуттуральных — негуттуральных, ни в ряды лабиальных — нелабиальных. Чтобы „включиться в систему“, фонема $*S$ должна была противопоставляться по одному или нескольким признакам, характеризующим данную систему, т. е. и среди шумных фрикативных фонем должна была появиться еще одна или несколько фонем, которые могли бы противопоставляться фонеме $*S$ по признакам глухости, гуттуральности и (или) лабиализации. Та или иная новая фонема в системе обычно появляется путем фонологизации одного из аллофонов одной из старых фонем системы, путем дивергенции одной из старых фонем. Чаще подвергается дивергенции та из старых фонем, которая имеет наибольшую функциональную нагрузку. Протославянское $*S$, видимо, было одной из самых употребительных фонем. До сих пор в современных славянских языках $/S/$ характеризуется наибольшей частотностью, хотя ранние отношения стерты последующими дивергентными ($S \rightarrow S\text{-}Z$, $S \rightarrow S\text{-}\check{S}$) и конвергентными ($*S \times *K \rightarrow S$) процессами. Но все же тот факт, что частотность $/S/$ в два-три ряда превышает частотность остальных фонем может свидетельствовать в пользу большой частотности этой фонемы и до дивергентных и конвергентных процессов.

Фонема $*S$, будучи единственной фрикативной в системе шумных согласных, имела большое „поле рассеивания“, т. е. на месте $*S$ мог произойти любой фрикативный несонорный, и признака фрикативности было бы достаточно, чтобы $*S$ отличалось от любого шумного согласного данной системы. Такие „вариации“ $*S$ могли закрепляться в отдельных позициях и выступать уже в качестве аллофонов, вариантов фонемы $*S$. При этом естественно отдавалось предпочтение тем „вариациям“, вариантам (аллофонам), которые могли бы содействовать включению фонемы $*S$ в систему.

Среди таких предпочтительных аллофонов фонемы $*S$ мог быть звонкий фрикативный $*Z$, ибо в системе шумных по этому признаку противопостав-

лялись $p : b, k : g, t : d$. Позицией, где появлялся $*Z$ как аллофон фонемы $*S$, могла быть позиция перед звонкими согласными: ср. рус. *мозг* < $*masg-$, др.-прус. *muzgeno*, лит. *smėgenys*.

Если другим дифференциальным признаком в системе шумных был признак гуттуральности — негуттуральности, то в качестве предпочтительного аллофона $*S$ мог выступать некий гуттуральный, задненебный фрикативный. Таким задненебным аллофоном S у славян и был $-X-$. Усилиями старших поколений языковедов установлено, что X как аллофон (вариант) фонемы выступал в позиции после i, u, r, k не перед глухими взрывными (Закон Педерсена).

Суть фонетического закона младограмматиков можно выразить формально: $L \left(\frac{a > b}{P} \right) T$. Звук a переходит в определенных позиционных условиях P в звук b данного языка L на данном T этапе его развития. Это закон функционирования позиционного варьирования, действующий автоматически без исключений. Закономерности позиционного варьирования определяются данной функционирующей системой. И в данном случае характер Закона Педерсена $L \left(\frac{s > x}{i, u, r, k} \right) T$ детерминирован протославянской системой шумных согласных, изменялся $*s$, а не $*t$, притом в направлении $-X-$ (или Z) в соответствии с наличием определенных корреляций $(t : k) = (p : k^0) = (s : x)$ и $(t : d) = (k : g) = (s : z)$. Фонетический закон обусловил появление потенциальных оппозиций $(s : x), (s : z)$.

4. Противоречивость фактов, связанных с генезисом славянского X , послужила источником множества гипотез и противоречивых теорий. С одной стороны, соответствия праславянского X иным „звукам“ $/S, \mathcal{S}, \check{S}/$ других индоевропейских языков заставили исследователей старшего поколения сделать вывод о том, что „переход“ $*S > X$ — собственно славянский процесс. С другой стороны, выяснилось, что в индо-иранском, балтийских и некоторых других языках группы *satəm* в схожих условиях наблюдается „переход“ исконного $*S$ в \check{S}, \mathcal{S} и т. п. В таком случае хронологию данного процесса можно передвинуть вглубь „балто-славянского праязыка“ (Бругман) или еще дальше, в эпоху и.-е. праязыка (Педерсен). Но предположение об относительно ранней хронологии данного процесса наталкивается на противоречивость показаний фактического материала, прежде всего балтийского: славянскому X соответствует в латышском S , а в литовском \check{S} или S : ст.-сл. *souxь* — лит. *saũsas*, ст.-сл. *trьхь* — лит. *trisù* при *trisėti*, ст.-сл. *měхь* — лит.

maišas, но ст.-сл. *ouho* — лит. *ausis*, ст.-сл. *vrъхъ* — лит. *viršius*, но лтш. *virsu* и т. д.

Для разрешения этого противоречия была предложена гипотеза о промежуточной стадии в виде $*\check{S}$ (Педерсен, Зубатый, Миккола и др.) с поздним „обратным“ переходом (не регулярным, „случайным“ — Эндзелин) $\check{S} \rightarrow S$ в балтийских языках (Педерсен, Бругман). Это же противоречие пытались разрешить и гипотезой о наличии двух $*S = *S_1$ и $*S_2$ в балто-славянском (Фортунагов): $*S_1$ соответствовало, согласно этой гипотезе, прасл. *X*, лит. \check{S} , а $*S_2$ — прасл. *x* и лит. *s*. Вопрос о соответствии славянского *x* балтийским \check{S} и *S* стал основным аргументом в спорах о балто-славянском праязыке. Пытаясь примирить положение о балто-славянском праязыке с фактами нерегулярности соответствий славянского *x* балтийским \check{S} , *S*, А. И. Соболевский выдвинул гипотезу о скрещении *s*-языка с *x*-языком

Кроме сомнения относительно возможности перехода балто-славянского $*S >$ балт. *S*, еще А. Мейе высказал сомнение о возможности перехода балто-славянского $*\check{S}$ в прасл. *x*. Наличие $*\check{S}$ для самых ранних этапов в развитии праславянской фонологической системы сомнительно и по чисто структурным соображениям: признак палатальности в праславянской фонологической системе появился относительно поздно, в связи с процессами йотации и первой палатализации, связанными с процессами формирования и развития групп фонем [Журавлев, 1963]. Процесс $*\check{S} > X$ не может быть связан с этими процессами, ибо он имел обратный характер влияния предшествующих гласных и согласных на последующий гласный.

Чрезвычайно сложен вопрос об относительной хронологии праславянского процесса $*s > x$. Если этот процесс в связи с явной праславянской спецификой считать поздним, то „переходу“ $*s > x$ должно было подвергаться как исконное $*S$, так и $*S < *K$, ибо „сатемизация“, характерная для целой группы языков, считалась процессом весьма древним (Вондрак). Однако, как показал Г. А. Ильинский, доказательства Вондрака о том, что „переходу в *x* подвергались $*S$ двоякого происхождения $< *S, *K$, строились на ошибочном этимологическом материале. Еще Богородицкий показал, что изменению в *x* подвергалось только исконное $*S_1$, ср. $*pixati$ и $*pisati$ (соотв. $*pīs$ и $*peīk-$), $*pors-$, $prase$ $*pork-$, $*tisъ$ $*tīk-$. Основываясь на аналогичных примерах, Педерсен сделал вывод о том, что процесс $*s > x$ в славянском древнее процесса $*K > S$. С этим трудно не согласиться. Во всяком случае ясно, что в эпоху „перехода“ $*s > x$ старое, исконное $*S$ чем-то еще отличалось от рефлекса $*K$. Если принимать гипотезу о промежуточной $*\check{S}$ или $*\acute{S}$ — стадии в процессах $*K > \check{S} > S$ и $*S > \check{S} > X$, то на этой промежуточ-

ной стадии могло произойти совпадение рефлексов $*S$ и $*K$. Можно было бы допустить здесь „цепную“ реакцию:

$$\begin{array}{ccc} 1) *K > \check{S} > S & \text{или} & 2) *S > \check{S} > X \\ *S > \check{S} > X & & *K > \check{S} > S \end{array}$$

Тогда в первом случае, напр., на каждом из этапов сохранялось бы „полезное противопоставление“: $*K : *S > \check{S} : S > S : \check{S} > S : X$. Но, как уже говорилось, наличие „палатальных“ до первой палатализации и йотации трудно допустить с фонологической точки зрения.

Компромиссное решение вопроса о хронологии процесса $*S > X$ предложил Г. А. Ильинский: „Переход $*s > x$ есть, несомненно, явление праславянское, но это не должно нам препятствовать думать, что в зародыше оно существовало не только в балто-славянском, но даже в тех говорах и.-е. языка, из которых возникли языки арийские“. Как бы то ни было, но в таком решении есть определенное „рациональное зерно“. Дело в том, что в переходе $*S > X$ нельзя не различать два процесса, которые могли проходить длительное время, в отдаленные друг от друга периоды. Процесс „изменения“ $*s > x$ как чисто фонетический мог проходить относительно рано, изменения $*S$ в позиции после i, u, r, k , могли быть очень древними, но при этом $*S$ и $*X$ могли длительное время оставаться лишь позиционными вариантами одной и той же фонемы $*S$, между аллофонами $*s$ и $*x$ длительное время могли сохраняться отношения дополнительного распределения: в тех позициях, где выступал $*S$, длительное время не мог выступать $*x$, и, наоборот, там, где выступал $*x$, не мог выступать $*S$. Процесс фонологизации праславянского $*x$ мог быть относительно поздним: отношения дополнительного распределения между $*S$ и $*x$ были нарушены лишь после процесса монофтонгизации дифтонгов, после которого процесс фонологизации праславянского x еще продолжался (см. ниже). Возможно, неразличение смещения двух процессов (появление x как варианта S и фонологизация x) вполне естественно для того периода в развитии науки, когда еще не оформилась фонология, и связано со спорами относительно хронологии процесса $*s > x$. Во всяком случае данный процесс трактуется то как поздний, то как ранний, имевший место до процесса $*K > S$. Последний также трактуется то как очень древний, то относительно поздний, проходивший уже после процесса $*s > x$. А здесь мы и подходим с совершенно другой стороны к поставленной выше проблеме о возможной взаимосвязи двух этих процессов.

5. Условием фонологизации аллофонов Z или X , условием превращения вариаций той или иной фонемы в самостоятельную фонему, является выход из состояния дополнительного распределения: они должны иметь хотя бы

одну позицию релевантности, потенциальные оппозиции, в данном случае $|S:Z|$ и $|S:X|$ должны стать реальными. Должен быть отменен прежний фонетический закон функционирования, предопределяющий позиционное варьирование S/Z и S/X .

Для фонологизации аллофона $*Z$ необходимо, чтобы он встречался не только перед звонкими взрывными, но и в других позициях, возможных для $*S$ (перед гласными, перед сонорными, перед глухими взрывными), $*S$ должен был в каких-либо позициях противопоставляться $*Z$. В силу ряда условий этот путь фонологизации Z отпадал: во-первых, потому, что сам аллофон Z встречался весьма редко (трудно найти значительное количество надежных этимологий), а во-вторых, чтобы поставить Z в позиции перед гласным или перед глухим согласным, система должна была претерпеть такие серьезные изменения, как опущение или оглушение звонкого согласного, стоящего после Z . Однако возможен и другой путь: Z может выступить в качестве фонологического „катализатора“ и вызвать соответствующие изменения другой фонемы и притянуть ее или ее аллофон к себе, конвергируя с ней (или с ним) по формуле Е. Д. Поливанова $a \times b \rightarrow c$.

Из всех фонем только $*d$ и $*g$ могли подвергнуться соответствующим изменениям и конвергировать с Z . Остальные фонемы отличались от $*Z$ большим набором дифференциальных признаков. Выбор второго конвергента (в данном случае выбор $*d$ или $*g$) зависит от многих факторов: функциональная нагрузка, число возможных аллофонов, структурные возможности системы и возможные пути ее дальнейшего развития, дальнейших перестроек, трансфонологизаций.

Как свидетельствует конкретный материал, развитие пошло по второму пути: $g \rightarrow z$, совпав с аллофоном z . Здесь наблюдаются результаты конвергенции $z \times g \rightarrow z$ (традиционно $*\hat{g} > z$): и.-е. $*bh\bar{e}r\hat{e}g-$ — прасл. $*ber\hat{g}-$, рус. *береза*, ср. лит. *béržas*, лтш. *bērzs*.

Однако если трансфонологизация $g \rightarrow z$ связана с трансфонологизацией дифференциального признака лабиальности в дентальный, то и K уже не мог противопоставляться по признаку лабиальности своему корреляту K^o . И здесь должно было остаться противопоставление только по признаку дентальности. Следовательно, и фонема K должна была трансфонологизироваться в дентальный: $K > S$. Конкретный языковой материал подтверждает это теоретическое предположение: K (традиционно $*K$) $> S$, ср. и.-е. $*dek\eta-$, прасл. $*des\eta >$ ст.-сл. *desęть*.

О том, что процесс спирантизации прежних g/k начался именно со звонкого в связи с необходимостью усиливать звонкий аллофон z , необходимостью конвергировать $g \times z \rightarrow z$, свидетельствует и общепризнанный факт,

что спирантизация звонкого начинается раньше, чем спирантизация глухого: ср. также данные кафирского языка, где на месте звонких трад. и.-е. \hat{g} , \hat{gh} имеем z , а на месте глухого s трад. и.-е. $*K$.

Тенденция интеграции $*S$, слабо включенной в систему, таким образом, обусловила фонетические законы $S > Z$, $S > X$, осуществлявшиеся путем дивергенции $S \rightarrow S-:-Z$, $S \rightarrow S-:-X$. Поскольку потенциальные оппозиции $S : Z$, $S : X$. Их фонологизация вызвала последующую цепь конвергентно-дивергентных процессов: $g \rightarrow g-:-z$, $k \rightarrow k-:-s_2$, $z_1 (< *s) \times z_2 (< *g) \rightarrow z$, $s_1 \times s_2 (< *k) \rightarrow s$.

6. На основании Закона Педерсена [Pedersen, 1895] следует разграничивать в праславянском $*S_1 \sim *S_2$, где $*S_2 \sim *K$, ибо лишь $*S_1$ (т. е. исконное) подверглось изменению в x и в z : $*S_1 > Z$, $*S_1 > X$ в соответствующих условиях, тогда как $*S_2$ таким изменениям не подвергалось. Значит, переход $*s_1 > x$ имел место раньше, если не перехода $*K > *S_2$ и $*\hat{g} > z$, то, по крайней мере, раньше конвергенции $S_1 \times S_2 \rightarrow S$. Так данные внутренней реконструкции позволяют уточнить иерархию фонетических и фонологических процессов и устанавливают старшинство спирантизации $K > S_2$ относительно процессов фонологизации оппозиций $|S : X|$, $|S : Z|$ и др.

7. Переход $*S_1 > X$ в праславянском, $*S > \check{S}$ в литовском, $*S > S$ в латышском и прусском — лишь первый, фонетический, этап звукового изменения. Это — лишь позиционное варьирование, фонетический закон. Этот закон отменяется последующими фонетическими законами в непрерывном процессе фонологизации, осуществляемом благодаря конвергентно-дивергентным процессам. Переход $*s > x$ в праславянском означал следующую дивергенцию $*S_1 \rightarrow X-:-S$ при переходе аллофона $*K > *S_2$ с последующей конвергенцией $*S_1$ и $*S_2$ ($S_1 \times S_2 \rightarrow S$), в результате чего и образовалось прасл. S .

В литовском аналогичный процесс протекал несколько иначе. Переход и.-е. $*S$ в лит. \check{S} сопровождался дивергенцией исконного и.-е. $*S : *S_1 \rightarrow \check{S}_2-:-S$, при \check{S}_1 из и.-е. $*K$ с последующей конвергенцией \check{S}_1 и \check{S}_2 ($\check{S}_1 \times \check{S}_2 \rightarrow \check{S}$), что привело к образованию лит. \check{S} .

Кроме того, процесс включения фонемы $*S$ в систему был связан с фонологизацией аллофонов и сопровождался процессами дивергенции и конвергенции: $S \rightarrow S-:-Z$, $z \times g \rightarrow z$, $S \times K \rightarrow S$.

Фонологизация аллофона Z привела к серьезным преобразованиям системы гуттуральных протобалто-славянского языка-основы, обусловив процесс сатемизации заднеязычных.

Процесс конвергенции $Z/S \times g/k \rightarrow Z/S$ обусловил процесс дивергенции $K \rightarrow S-:-K$ и $g \rightarrow z-:-g$, т. е. процессу сатемизации подверглись лишь некото-

рые аллофоны, предположительно имевшие дентальный дифференциальный и фриктивный интегральный признаки (нечто вроде k^s , g^z).

Для фонологизации новой потенциальной оппозиции в принципе безразлично, какой из ее членов будет конвергировать. Иными словами, при дивергенции $a \rightarrow b$: - c потенциальная оппозиция усилится как при конвергенции $b \times d \rightarrow b$, так и при конвергенции $c \times d \rightarrow c$. Так, если в праславянском при дивергенции $S \rightarrow S$: - Z конвергировал маркированный член потенциальной оппозиции $Z \times g \rightarrow Z$, то при дивергенции $S_1 \rightarrow S$: - X конвергировал немаркированный член — $S \times S_2 \rightarrow S$ ($S_2 < *K$).

В литовском, наоборот, в этом случае конвергировал маркированный член: $S \rightarrow S$: - \check{S} при $\check{S} \times K \rightarrow \check{S}$. Фонологизация потенциальной оппозиции $/S : \check{S}/$ в литовском шла также за счет морфонологизации S/\check{S} и „сбоев“ результата закона перехода S в \check{S} (см. многочисленные примеры в [Каралюнас, 1966]).

Переход $S > X$ в праславянском в определенных позициях — лишь первый этап звукового изменения: S/X останутся позиционными вариантами одной и той же фонемы, их различие может даже не замечаться говорящими до тех пор, пока не наступит второй этап, этап фонологизации аллофонов, превращения их в самостоятельные фонемы.

На ранних этапах аллофон x , как и аллофон Z , находился в условиях дополнительного распределения с S , т. е. x встречался там, где S встречаться не могло и, наоборот, в одной и той же позиции S и Z нигде не противопоставлялись. Для фонологизации x необходимо, чтобы x стал встречаться в тех же позициях, что и S , противопоставляясь ей. Как и Z , x -аллофон встречался редко. Если снять все последующие напластования, то частотность появления x ($< *S$) в определенной позиции (после i , u , r , k) не будет слишком значительной. Естественно, что малая частотность x и его акустическая специфика — задненебный фриктивный — могли обусловить возможность его функционирования и как изобразительного средства, что и реализовалось как употребление x в так наз. „экспрессивных выражениях“, напр., **xoxotati* или в словах звукоподражательного характера, напр., в словах с корнем **xor-(*xer)* **xʃ*, ср. рус. *хорохориться*, *шерох*, *харкать* и т. п., такого же происхождения в рус. *хукать*, *хихикать* и т. п.

Как и в случаях с дивергенцией S : - Z , дивергенция S : - X могла сопровождаться конвергенцией x с аллофонами других фонем, от которых x мог отличаться не более, чем одним дифференциальным признаком (k или g определенных позиций), или их сочетания (и, прежде всего, с S : сочетания ks , gs или sk) могли подвергнуться переразложению дифференциальных признаков: k и g могли дать признак гуттуральности, а S — фриктивности,

релевантные для *x*. Такие случаи есть: ср. прасл. **xwoja* и лит. *skuja*, прасл. **xlqđ* и лит. *sklandà*, прасл. **xudъ* и лит. *skaudùs*, прасл. **xwala* и др.-исл. *skval* и др.

В отличие от условий фонологизации *Z*-аллофона, последующие процессы содействовали фонологизации аллофона *x*. Уже древнейший процесс так наз. „упрощения групп согласных“ в ряде случаев изменял условия функционирования *x*: „падал“ предшествующий согласный, вызвавший изменения $S \rightarrow X$, а *x* при этом мог оставаться; ср., напр., **xubati* < **ksūbh* — при др.-инд. *kṣubhyatē*: **ksūb-* > *kxūb-* > *xūb-* > *xūb-*. Теперь начальное *xū-* могло противопоставляться *sū*, ср. *sūpati*. Еще больше таких случаев, когда позиция, обусловившая появление аллофона *x*, изменялась, а *x* оставался, возникло после так наз. процесса монофтонгизации дифтонгов, ср. диал. позд.-непрасл. *mrěxъ* < **merxъ* < **mersŭ* и т. п.

В тех случаях, когда фонема *x*, оказавшись на уровне морфологии тем или иным формантом, такой формант мог генерализовываться, распространяясь и на любые фонетические позиции, появляется *x* „аналогического“ происхождения (впервые обратил внимание на этот источник славянского *x* один из учеников Бодуэна де Куртене А. Булич), ср. формы аориста **daхъ*, **viděхъ*, **nesохъ* и имперфекта **viděахъ*, **nošaахъ* и т. п.

В отличие от *f/v*, иноязычное *ch* должно было легко проникать в славянскую фонологическую систему, ибо появление иноязычного слова с *x* в несколько необычных для него позиционных условиях увеличивало случаи противопоставления *x : s* в одних и тех же позициях, ускоряло процесс фонологизации *x*. Следовательно, одним из источников фонологизации *x* должны быть уже ранние иноязычные заимствования; к таковым можно отнести прасл. **xьlтъ*, **xŭza*, **xqdogъ*, возможно, и **xlěbъ*, **xlěvъ* и др. др.-герм. *hulma-ha*, гот. *handags*, *hlaifs*, *hlaiw* и др.

Таким образом, после снятия позиционной обусловленности, после завоевания фонетическим путем новых фонологических позиций новая фонема начинает морфонологизироваться. Осознание *-x-* как форманта прошедшего времени и его генерализация в имперфекте (*nesěахъ*) и новом сигматическом аористе (*nesохъ*) стали возможны лишь после прекращения действия соответствующих фонетических и фонологических процессов $/K \times S \rightarrow S/$, фонологизации оппозиции $/S : X/$, после появления чисто фонетическим путем таких форм, как *nixъ*. Точно так же генерализация *-x-* как форманта местн. п. мн. ч. *žepахъ* стала возможной лишь после появления фонетическим путем форм типа *synъхъ*, *kostixъ*, *rabixъ*, *tixъ*. Собственно морфологический процесс обобщения, генерализации грамматических показателей содействовал фонологизации новой оппозиции $/s : x/$.

В литовском языке фонологизации новой оппозиции /S : Š/ содействовали процессы морфонологизации, отключения от фонетического закона *S > Š (подробнее см.: [Каралюнас, 1966; Andersen, 1968]).

8. Образовавшаяся в результате описанных процессов поздняя праславянская система шумного консонантизма имела следующий вид:

$$\begin{array}{cccc} t & s & k & x \\ d & z & g & - \end{array}$$

Здесь видно, что в корреляции согласных по звонкости—глухости против относительно новой фонемы *x* была „пустая клетка“. Внешне, как кажется, ничего не изменилось, опять /*x*/ слабо включена в систему.

И действительно, если сравнить вновь образовавшуюся систему с исходной, протославянской, то можно видеть, что в результате сложнейших перестроек асимметрия сохранилась:

$$\begin{array}{l} (1) \quad k^o \quad k \quad p \quad t \quad s \\ \quad \quad g^o \quad g \quad b \quad d \quad - \end{array} \quad \begin{array}{l} (2) \quad k \quad p \quad t \quad s \quad x \\ \quad \quad g \quad b \quad d \quad z \quad - \end{array}$$

Вероятнее всего, ни тенденция к симметрии, ни тенденция к ликвидации пустых клеток не являются стимулом к преобразованию.

Перестройка протославянской (1) системы шумных в праславянскую (2) действительно стимулировалась процессом интеграции слабо включенной в систему фонемы *s*. Система шумных была асимметричной, имела 7 пустых клеток для фрикативных, фонема *S* была интегрирована с ней лишь при помощи одной оппозиции /*s* : *t*/.

В результате перестроек праславянская система шумных, хотя и осталась асимметричной, но ее интеграция значительно возросла. Теперь *S* связывалась с системой не только при помощи оппозиции /*t* : *s*/, но и /*s* : *z*/, /*s* : *x*/. Уменьшилось число пустых клеток в фрикативном блоке — не только за счет их заполнения фонемами *x*, *z*, но и за счет ликвидации одного ряда взрывных. Их теперь только три и три потенциальные оппозиции:

$$\begin{array}{l} 1) \quad (x : h) = (s : z) = (t : d) \dots, \\ 2) \quad (b : v) = (d : z), \quad 3) \quad (p : f) = (t : s) = (k : x). \end{array}$$

Задачу превращения этих потенциальных оппозиций в реальные славянские языки решают уже каждый по-своему до сих пор, всякий раз повышая интегративные свойства системы консонантизма. Главное, следовательно, не в симметрии и не в пустой клетке как таковой, а в интеграции системы.

9. Таким образом, один и тот же фонетический закон (фонетическая тенденция) в родственных языках и диалектах может дать разные результаты именно благодаря специфике процессов фонологизации его рефлексов:

др.-рус. ВЪРХЪ, лит. *viršūs*, лтш. *viršus*, прус. *wirsune*, скр. *varṣman* — разные результаты фонологизации. Поэтому неверно реконструировать цепь переходов $*S > \check{S} > \check{S} > X > S$ на основании престижности показателей. Для стадий S и \check{S} в праславянском не было соответствующих конвергентов признака церебральности и палатальности, а был лишь признак гуттуральности. Отсюда и характер дивергента $S \rightarrow S \text{ :- } X$. Нельзя также реконструировать и ряд последовательных изменений $*K > \acute{C} > \acute{S} > \check{S} > S$, основываясь лишь на данных внешних сопоставлений (скр. *satem*, авест. *satəm*, лит. *šĩmtas*, лтш. *sĩmts*, др.-рус. СЪТО). В праславянском рефлекс палатального аллофона $*K$ поддержал немаркированный коррелят $*K : *S_1 \rightarrow s : x$, послужив основным способом его фонологизации (рус. *писать* и *пихать*).

В литовском потенциальным конвергентом мог быть $\check{S}_1 < *K$. Он и обусловил специфику дивергента: $*S_1 \rightarrow S_2 \text{ :- } \check{S}_2$ с последующей конвергенцией \check{S}_1 и \check{S}_2 ($\check{S}_1 \times \check{S}_2 \rightarrow S$). Лит. *maišas* и др.-рус. *тѣхъ* не могут свидетельствовать ни в пользу x , ни в пользу S для балто-славянского процесса — $S > X > \check{S}$ или $S > \check{S} > X$. Это вступило бы в противоречие с моделью родословного древа: лтш. *māiss*, прус. *moasis*, др.-инд. *meśāḥ*, авест. *maeša*. Не стоит искать и особый архетип литовской формы для случаев отсутствия такого перехода: *tai-sūti* и др.-рус. *тѣшуми*.

В санскрите, напр., церебральный ряд усиливался соответствующим дивергентом ($t, \check{t}h, d, \check{d}h, n, s, r$). В среднем индоарийском предшествующие r и r могли церебровать все зубные. Этот фонетический закон порождал конвергенты. В дальнейшем в результате слияния $*S_1$ и i появилась новая фонема \acute{S} . Конвергентно-дивергентные процессы продолжались.

Рефлексы сатемизации звонких гуттуральных в авесте конвергировали $*\acute{g} \text{ :- } \check{g}h \rightarrow z$, а в санскрите прежняя оппозиция сохранилась, трансфонологизируясь $/*\acute{g} : \check{g}h/ \rightarrow /j : h/$. Наоборот, рефлексы первичных и вторичных палатализованных гуттуральных конвергировали в санскрите $*\acute{g}_1 \times \check{g}_2 \rightarrow j$, а в авесте прежние отношения сохранились — $(*g_1 : g_2) \rightarrow (z : \check{j})$ и т. п.

Поэтому для модифицированных рядов последовательных изменений, реконструированных на основании разного рода внешних данных, типологическим деревьям может и не быть места в реальной действительности.

10. Таким образом, полученные в настоящей работе факты основываются на принципах внутренней реконструкции. Как старались показать авторы, внутренняя реконструкция является реконструкцией системной, и поэтому сама система становится арбитром противоречивых гипотез компаративистики, и содержание фонемы детерминируется системой — отношениями между составляющими ее материальными сущностями. Система, потребности ее интеграции вызывают к жизни то или иное позиционное варьирование, со-

ответствующий фонетический закон. Иными словами, появляются рефлексы, способные принимать участие в конвергентно-дивергентных процессах.

Дальнейшее решение проблемы ранних индоевропейских палатализаций должно быть связано с внутренней реконструкцией этого процесса в отдельных языках и диалектах с последующим пополнением реконструированных систем.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гамкрелидзе, Иванов, 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984, т. 1—2.

Журавлев, 1963 — Журавлев В. К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. — Минск, 1963.

Журавлев, 1967 — Журавлев В. К. Реконструкция праславянской системы шумных согласных древнейшего синхронного состояния. — Изв. на Ин-та за бълг. език. 1967, кн. 14.

Журавлев, 1983 — Журавлев В. К. Относительная хронология праславянских процессов по данным внешней и внутренней реконструкции. — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. М.: Наука, 1983.

Журавлев, 1984 — Журавлев В. К. Диахроническая фонология. Состояние и перспективы. — ВЯ, 1984, № 5.

Каралюнас, 1966 — Каралюнас С. К вопросу об и.-е. *s после *i, u* в литовском языке. — Baltistica, 1966, t. 1 (2).

Andersen, 1968 — Andersen H. IE *s after *i, u, r, k* in Baltic and Slavic. — Acta linguistica Hafnensia. International Journal of Structural Linguistics. København, 1968, vol. 11.

Pedersen, 1895 — Pedersen H. Das indogermanische *s* im Slavischen. — IF, 1895, Bd. 5, S. 79.

Steenland, 1973 — Steenland L. Die Distribution der urindogermanischen sogenannten Gutturale. — Uppsala: Universitetsforlaget, 1973.